

85.37(2Кв)
МЗ4

Абдиламит
Матисаков

СҚАЗАНИЕ О СУЙМЕНКУЛЕ

Формуляр книги

1. Кв

483781

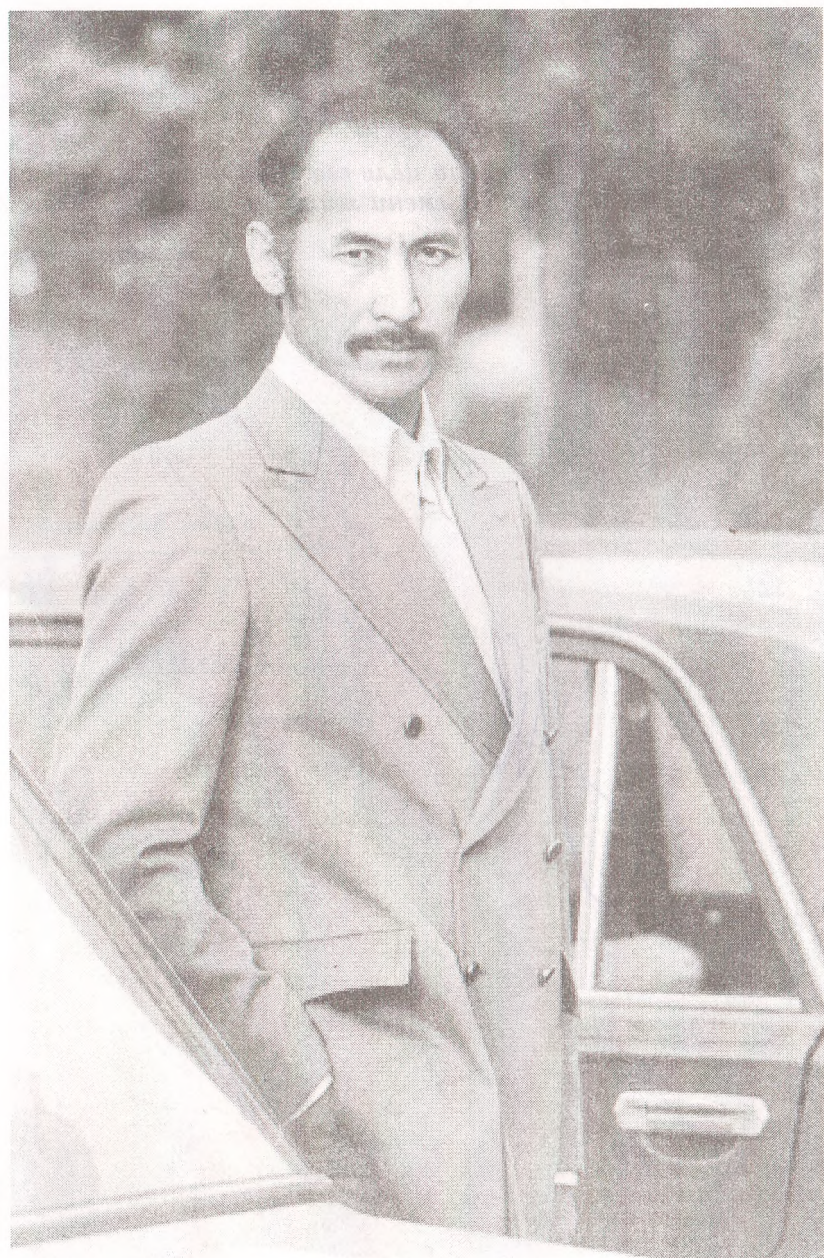
Иванов А.

уи.

Если цель его была велика,
То имени жить на устах народа.

Ж. Мамытов

Абдиламит
Матисаков

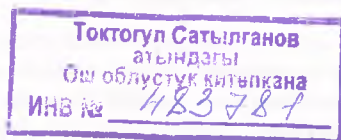
СКАЗАНИЕ
О
СУЙМЕНКУЛЕ

85.374(2к4)

МЗ:4

Эссе

Перевод с кыргызского
Мамасалы Апышева

БИШКЕК — 2000

ББК 85
М-34

Матисаков А.

М—34 Сказание о Суйменкуле. Эссе/ Пер. М. Апышева; Худ. С. Ямгырчиев. — Б.: «Кыргызстан» — «Ала-Тоо», 2000. — 36 с. С илл. 52.

ISBN 5-655-01424-6

Кыргызским читателям давно полюбилась книга известного журналиста и прозаика Абдиламита Матисакова о Народном артисте СССР Суйменкуле Чокморове. Автор показывает своего героя в разнообразных повседневных делах, касается его философских суждений.

Теперь автор и переводчик знакомят с этой книгой и русскоязычных читателей.

4901000000 — 123
М ————— 2000. Без объявл.
М 451 (11) — 2000

ББК.85

© Матисаков А.
© «Кыргызстан» — «Ала-Тоо» —
перевод, оформление,
иллюстрации.

ISBN 5-655-01424-6

Пожалуй, никогда ранее мне не приходилось так долго и трудно подступаться к теме. С тех пор, как я встретился с Суйменкулом Чокморовым и договорился об этом материале, прошло достаточно много времени. Тогда еще стояло знойное лето, солнце палило город и, казалось, что народу больше всего в очередях за газированной водой. Но незаметно пролетело время. Вот уже осень: оголились ветви деревьев, недолго осталось ждать и зиму. И сколько раз за это время мне пришлось испытать щемящее чувство тоски, провожая уходящие вдаль бесполезные дни. Часто, спасаясь от жары в прохладной юрте за пиалой кумыса, я сравнивал эти дни с кумысом, разбавленным с водой — такими же пресными, неполноценными казались они. Дни, прожитые кое-как.

Время от времени сыпались соль на рану и друзья, коллеги, которые были в курсе моих творческих планов, напоминая о будущей книге. У меня же заранее был подготовлен ответ: «Ну, газетная работа — такая кухня, даже оглянуться некогда...»

— Так долго ты работаешь, написал бы лучше быстро, без отговорок, легче бы на душе стало, — советует один из моих болельщиков. Эх, друг мой, если бы все было так просто, как ты говоришь!

Но идея продолжает во мне жить, развиваться как бы по инерции. Я мысленно не расстаюсь со своей будущей работой. Как и с чего начну? Муки творчества известны всем пишущим людям. В моем же случае трудность заключалась еще и в том, что мой герой был широко популярен и, казалось, что о нем известно всем от мала до велика. Что же нового можно рассказать о нем? Повторяться вслед за другими авторами?

Такая работа, по-моему, обречена на моментальное забвение. Вот чего я больше всего опасался.

Вообще, есть ли в нашей стране и за ее пределами люди, не знающие Чокморова, единственного актера, удостоенного приза международных кинофестивалей «За лучшую мужскую роль» пятикратно! И сколько о нем написано — у нас и за рубежом! Можно ли сказать о нем новое слово?

Слава Богу, я, кажется, сумел найти нужный поворот темы. Выразить личность известного человека своими словами, через призму своего видения. Это неожиданно обнаружилось после того, когда я поближе познакомился с Суйменкулом Чокморовым. Я поразился тому, как мы мало знаем его, как человека! И решил показать в своей работе именно его простую человеческую жизнь. Мне подумалось о том, что Суйменкул широко известен как актер и художник. А вот как человека, с его характером, пристрастиями и особенностями, думаю, узнать будет интересно всем.

Приняв окончательное решение, я стал каждый день звонить ему домой и на работу. Теперь ему было уже не до меня. И только на десятый день, застав его, я решил сразу же взять быка за рога и сообщил, что выезжаю для встречи с ним.

...И вот мы сидим в его рабочем кабинете, который заполнен картинами. Кроме развешанных на стенах, многие просто приставлены к стене в несколько рядов и одна за другой «поглядывают» на нас. Пользуясь тем, что мы наконец-то оказались с глазу на глаз, я поведал ему о своей задумке.

— Я не собираюсь писать о прославленном и широко известном во всем мире художнике и актере Чокморове. Меня интересует простой человеческий облик, характер Суйменкула-байке. Как он живет и чем дышит. Хочу раскрыть вас в мелочах повседневности, в быту.

— А сможешь ли? — неожиданно последовал вопрос. Он сидел передо мной в чапане, свободно наброшенном на плечи. И мне почему-то в этот момент пришла мысль о том, что хорошо бы ему сыграть роль самого Манаса-батыра!

— Смогу! — уверенно ответил я, не отводя глаз от взгляда Манаса-батыра, вдруг так преобразившегося на моих глазах. — И я намерен делать все, что для этого потребуется. Мне надо понять вас, узнать как человека. И откуда не добьюсь этого — не отстану от вас...

— Я не против. Но учти, никому еще не удалось узнать меня до конца. И вряд ли кому-нибудь это удастся.

— Посмотрим...

Я вытащил свой блокнот из кармана, но оказалось, что в спешке забыл ручку.

Оставивший своему народу немеркнувшее поэтическое наследие Жолон Мамытов коротко и точно, словно надпись на камне, обрисовал поэтический облик Суйменкула. Эти строки сейчас уже стали крылатыми:

«Весь мир сегодня узнает кыргызов по лицу Суйменкула...»

Лучше поэта не скажешь. И потому я решил назвать свой биографический очерк на кыргызском языке именно так.

Прежде чем расстаться, Суйменкул протянул мне одну из двух больших раковин, стоявших на его книжной полке, напоминая видом черепаший панцирь. «Возьми, послушай». Как только я приставил к уху раковину, мне послышалось эхо далекого бушующего моря. Не сразу я смог оторвать от уха раковину. «Это какое море?» — спросил я.

«Индийский океан», — ответил Суйменкул и рассказал, что гуляя по берегу океана, встретил старого рыбака, который и подарил ему эти раковины. — «Эта, кажется, еще четче риздает шум, эхо океанских волн...» Прожив немало лет, я до сих пор видел море только на телевизионном экране. А тут вдруг ясно и четко представил, как Суйменкул устало и величаво шагает по берегу океана, а навстречу ему идет, провожая красное перед закатом солнце, старый рыбак, напоминающий старика из повести Хемингуэя. Да-да, именно того неунывающего и несдающегося рыбака я и представил, а также неведомый мне мир океана. Как на его дне, в его глубинах протекает совершенно другая жизнь, таинственная для человека, как этот ракушечник, находящийся сейчас в моих руках, лежал на дне, а вокруг плавали акулы и рыбы, но затем в какой-то день, повинаясь неведомой нам силе и по непредсказуемым причинам, которые обычно зовутся судьбой, эти раковины выбросило на берег. И вот одной из них теперь суждено оказаться в моей руке. Интересно, подозревал ли тот старый рыбак, что этот обычный сувенир в этот раз он подарил не совсем обыкновенному туристу, а великому, одному из лучших актеров мира?

Каждая вещь, нашедшая приют в рабочем кабинете Суйменкула Чокморова, как правило, имеет свою долгую историю. С каждой из них связаны неповторимые, звездные моменты творчества великого актера и художника. Но вряд ли обо всех них нам удастся подробно рассказать.

желательный человек задал мне совсем неожиданный вопрос, заодно поручив свой аксакальский наказ.

— Как там поживает Суйменкул-батыр? — именно таким эпитетом старик сопровождал свой вопрос. — Мы же его видим только по кинофильмам. Говорят, что он серьезно болен и лежит в больнице? В каком состоянии сейчас его здоровье?..

Я каюсь, ничего тогда толком и не смог ответить, так как ничего не знал. Видя мою растерянность, старик сам продолжил:

— Такие джигиты нужны своему народу. Они рождены, чтобы как можно дольше жили и ходили здоровыми для счастья народа. И дай Бог, чтобы он шагал по земле здоровым, подальше от всяких болезней, радуя народ своим искусством. Да пусть Бог не пожалеет для него сил и здоровья! — говоря так, старик по-мусульмански провел по своему лицу ладонями.

Когда я передал Суйменкулу этот привет от незнакомого ему старика, лицо актера засияло от благодарности и он по-дытожил:

— Народ поистине велик и мудр во всем!

— Суйменкул-байке, я хочу сейчас повторить вопрос старика и узнать о вашем здоровье.

— Вряд ли этот вопрос может быть предметом для обсуждения, да и стоит ли мне распространяться о своих личных проблемах.

— Хотя вы постоянно боретесь с болезнью, в то же время несете на себе непомерный груз, выполняя свой человеческий, творческий, служебный долг. Вот сейчас вы являетесь руководителем киргизских художников, а чуть появится свободное время, ваши кисти начинают делать мазки будущих картин. Кто как оценивает и что думает — об этом я не знаю, но почему-то этот ваш мужественный поступок, ваш настойчивый труд напоминает мне творческий подвиг Николая Островского. Мы, ваши современники, вправе гордиться вами. Раз уж я взялся рассказать все, что знаю о вас, то и должен знать обо всем, что вам пришлось пережить раньше, в том числе и печальные стороны вашей судьбы.

Суйменкул поправил свой чапан и надолго умолк, о чем-то крепко задумался:

— Ты и об этом хочешь написать? — словно испугавшись, спросил он.

— Да, пусть народ знает обо всем так, как есть. Я сторонник того, чтобы не было никаких кривотолков о вашей болезни.

Пусть все знают полную правду о вашей судьбе и о вашей болезни. Тогда некому будет измышлять о вас небылицы, придумывать всякие сплетни.

— Сядь поближе ко мне. Я тебе покажу кое-что, — и он закатал рукава своей рубашки, показывая свои руки. И я невольно вздрогнул. То, что я видел, представляло собой нечто шокирующее — от запястья руки Суйменкула были испещрены следами швов, всякими надрезами, шрамами. Он указал пальцем на округлую возвышенность на мышце:

— А ну-ка, потрогай. Горячо?..

— Даже очень.

— Кровь моя... Когда у меня своя вена вышла из строя от бесчисленных уколов и швов, мне пересадили вену одной женщины.

— Женщины?

— Да. Моя кровь плохо циркулирует, не доходит до пальцев рук. Держать кисть и писать ручкой я еще могу, но струны комуза уже для моих пальцев непослушны, как раньше...

Потом он показал ноги и я увидел, что они также испещрены вздутыми, ранеными венами. Оказывается, в ноги ему были вставлены трубки, толщиной в палец, которые специально были доставлены из Англии. И кровь его течет по этим трубкам. За последние пять лет Суйменкул перенес 23 сложнейших операции.

Эх, как жаль, лучше бы я написал о 23 фильмах, где он бы сыграл главные, неповторимые роли, а не о 23 операциях.

— Это правда, что мои почки отказали. Но то, что говорят некоторые в связи с этим, будто бы я простудился во время съемок в кино — неправда. Это — болезнь, переданная от предков. Она вновь проснулась во мне во время моего сороколетия. По заверениям врачей, этот недуг свалил бы еще в двадцатилетнем возрасте, но, видимо, сказалась актерская работа — постоянная нехватка времени, когда на счету была каждая минута. И даже обращаться к врачам было некогда. Да и спорт, наверное, помог.

И с каким сожалением произнес это некогда великолепный спортсмен. Суйменкул имел первый разряд по волейболу и многим видам легкой атлетики.

— Насколько мне известно, сейчас очень много больных, которые живут с пересаженными от доноров почками, говорят, что это даже лучший метод лечения, — осторожно продолжил я разговор.

— Я много раз давал свое согласие на такую операцию. Но врачи опасаются, что черное пятно на легких, которое у меня, увы, есть, во время операции может разорваться, — с сожалением объяснил Суйменкул. Оказывается, он еще в детстве переболел туберкулезом. Именно поэтому врачи и не стали рисковать.

А теперь каждый третий день Суйменкул проводит в кардиологической клинике, где в отделении нефрологии в течение 4—5 часов ему промывают, очищают кровь. Все в обязательном порядке, не должно быть ни одного пропуска. Я поразился — какую силу воли, какое неумное желание надо иметь, чтобы так жить и работать. Итак длится с 1982 года. Уже восьмой год...

Когда бы я ни приходил к нему, в его кабинете почти всегда сидели обычно по несколько человек. А когда он остается один, постоянная поза Суйменкула: в одной руке телефонная трубка, а в другой ручка. И так беспрерывно за работой. Кивнув в знак приветствия головой, рукою делает жест, приглашающий посидеть, подождать. И разговоры у него, как я заметил, один важнее другого, неотложные: то просят отправить в Алматы на выставку лучшие работы киргизских художников, то из Ашхабада или из Москвы звонят, чтобы откомандировать молодых художников для участия в семинарах. Затем зашел ответственный секретарь, с которым Суйменкул принялся обсуждать вопросы, выносимые на заседание правления Союза художников на завтра. Я же со своим героем успел лишь поздороваться и жду своего часа, когда он освободится. Лишь ближе к обеду он поднялся со своего кресла и, прохаживаясь по кабинету, спросил:

— Ну, какие вопросы ты приготовил для меня сегодня?

— Уже устали, наверное, я вижу, — нерешительно начал я.

— Разве я сказал, что устал?

— Нет, просто я полагаю, что работа у вас такая, неспокойная, тяжелая...

— Что же делать? Раз взялся за гуж... Да и не имею я права расслабляться. Много целей, планы есть впереди. Буду жив — реализую.

— Не забудьте и о своем здоровье позаботиться, — вывралось у меня.

— А кто же тогда будет работать, если будем думать только о себе. Народ же все-таки поверил в меня и выбрал, поручил...

чив такое дело. Вот эта вера и не дает мне постоянно покоя и чувства усталости.

— Но больному человеку ведь все равно предписывается соблюдение режима?

— Режим... Вот что такое режим. К примеру, сегодня меня мучает нестерпимая жажда. В ушах у меня все время звучит журчанье воды. А перед глазами холодная, прозрачная река. И куда бы я ни шел, с кем бы ни разговаривал, всюду меня преследует это журчанье воды, даже в телефонной трубке. Врачи по режиму мне строго запретили выпивать больше трех стаканов воды. В сутки — всего три стакана воды! И всякий лишний грамм во вред здоровью. Сегодня из-за жары я всю свою воду, все три стакана, уже выпил.

Я взглянул на часы, стрелки часов показывали ровно 13 часов.

— И теперь я до завтрашнего утра должен терпеть. И даже глоток воды может перечеркнуть весь мой строго соблюдаемый режим. И как только жажда начинает меня мучить, я все время вспоминаю о верблюде, который раз в месяц выпьет воды и может хоть сорок дней бродить по пустыне, есть колючую траву. Но мы, к сожалению, или к счастью — люди, а не верблюды.

Как-то раз я так измучился от жажды, да так, что все во мне пересохло, начиная с горла. И я, думая, пусть будет то, что будет, за один раз выпил три литра воды. Журчанье воды в ушах сразу же умолкло, но тотчас же живот мой увеличился до неузнаваемых размеров. На второй день я был уже не в состоянии даже ходить. Врачам честно признался в том, сколько я выпил воды. В срочном порядке меня отправили в Москву в сопровождении врачей. Там операционным путем из моего тела извлекли всю воду, которую я выпил.

С тех пор я ни разу не нарушал свой строгий режим. Хотя и горело все тело от жажды, но старался не обращать на это внимание и терпел. А меня постоянно преследовало звонкое журчанье воды даже во сне...

... В больницу я пришел незадолго до полудня. При входе во двор увидел «Волгу» Чокморова и сразу же вспомнил его обещание взять меня с собой в палату на время процедуры,

чтобы я мог своими глазами увидеть этот процесс. Но для этого я должен был подойти к восьми часам утра, но, увы, опоздал. Вспомнил также еще и о том, что он говорил: под окном на первом этаже у него есть постоянное облюбованное место, откуда он имеет возможность наблюдать за тем, что происходит на улице — кто подошел, кто ушел. В надежде найти это окно я медленно стал проходить вдоль здания. И тут из приоткрытого окна высунула голову чернобровая девушка и спросила кого, мол, я ищу. Я обрадовался, что так быстро нашелся человек, который готов мне помочь.

— Я к Суйменкулу-байке, он хотел, чтобы во время процедуры я побыл вместе с ним.

— Вообще-то мы чужих не пускаем, — предупредила чернобровенькая, но, видимо, почувствовав мое разочарование, смягчилась. — Я спрошу разрешения у заведующей, тот ли вы человек, который должен был придти из газеты.

Оказывается, Суйменкул-байке предусмотрительно рассказал ей обо мне.

Когда я уже оказался в больничном коридоре, заведующая отделением Мемешова Роза Гапаровна, подавая мне больничный белый халат и головной убор, сказала:

— В таком методе лечения подобные Суйменкулу больные нуждаются всю оставшуюся жизнь. Таких людей, как он, у нас не так уж много. Но до сих пор он и как киноактер, и как художник не открыт до конца. Почему вы об этой стороне его жизни так мало пишете? Вам, журналистам, лучше следовало бы заняться его творчеством, чем его болезнью интересоваться. Что же хорошего и интересного в болезни?

Я молчу, думая о том, что Чокморов мне интересен прежде всего как человек. От непривычки белый тряпочный головной убор мне показался неудобным, но кое-как завязав шнурочки, я приготовился следовать за ней. Роза Гапаровна вопросительно взглянула:

— Вы не испугаетесь? Как-то раз сюда к нам зашел мужчина, кинорежиссер по фамилии Эралиев, хотел снять кино, но ему плохо стало.

— Нет, я не боюсь, — ответил я.

Интересно, узнает ли сейчас меня Суйменкул-байке в белом врачебном обличье? Мое собственное зеркальное отражение сейчас мне казалось чужим.

Мы шли по длинному коридору, по обеим сторонам которого

были поставлены кровати, на которых лежали больные, кто глядя в потолок, кто читая книгу.

Около кровати Суйменкула-байке сидели медсестры, внимательно следя за капельницей, по трубке которой текла кровь. Сперва я не узнал Суйменкула-байке, так как он был в очках и лежа читал газету. Его кровать была как раз под окном. На нас он даже не обратил внимания, видно так углубился в чтение.

— Здравствуйте Суйменкул Чокморович, как вы себя чувствуете? Вот вас ищет журналист, — Роза Гапаровна представила меня.

— А, это ты, пришел все-таки? — протягивая мне руку, промолвил он. — Спасибо, Роза Гапаровна, я чувствую себя неплохо. На кое-какие мелочи я давно уже не обращаю внимания. А этот парень хочет написать обо мне книгу, и именно о той стороне моей жизни, о которой никому еще неизвестно. С тех пор не отстает. Я его уже предупреждал: «А сможешь ли?» — обезоруживающе, показывая белые зубы, улыбнулся он. Мне уже приходилось наблюдать, как этими зубами Суйменкул в летние дни грызет лед, вытащив его из морозильника холодильника.

«Он привык к этому, но, к сожалению, лед хоть и утоляет жажду, по ночам он кашляет», — объяснила Салима-джене, жена Суйменкула-байке, прошедшая весь жизненный путь с ним вместе, разделяя все его горести и радости. Салима Шабазова работала директором Киргизского государственного художественного музея. И умерла ровно через два года после смерти мужа от цирроза печени. «Смерть отца сильно подкосила ее, — говорил мне затем их сын Бахтыгул. — Мне до сих пор непонятно, как совершенно здоровый человек, никогда в жизни не употреблявший спиртное, могла умереть от цирроза печени?..» — Он хотел посмотреть на лечебную процедуру? У нас же не на что смотреть, — удивилась Роза Гапаровна, отвечая Суйменкулу.

Но мне было на что смотреть. Я увидел как знакомые мне еще по кинофильмам глаза Суйменкула-байке глядели безмятежно, словно происходило обычное дело, хоть и выступили на лбу мелкие капельки пота. Увидел также его исхудавшие ноги, которые некогда поражали, когда актер перепрыгивал со скалы на скалу, а на несущемся, как стрела, коне казался богатырем. Смотрел на тонкие, но все еще крепкие руки, запястья, которые написали столько прекрасных картин,

играли на комузе. И еще я увидел, как он то и дело, пытаюсь делать это незаметно, тоскливо оборачивается в сторону окна, где был виден кусочек синего неба.

— Хочешь посмотреть? — Суйменкул-байке протянул ко мне руки, убирая с них полотенце, я невольно отрицательно покачал головой. Мне вдруг захотелось, чтобы было так, чтобы он лежал, отдыхая после долгого, изнурительного трудового дня, а кровь, вливающаяся в его жила, давала источник энергии и вдохновения.

— Вот та-а-к, — как-то вяло протянул Суйменкул-байке. Он уже смотрел безотрывно на тот синий кусочек неба в окне. Что он там ищет, может быть, солнечные лучи на небе хочет увидеть? У меня была заготовлена пара вопросов, но я не решился их задать в такой обстановке и растерянно молчал. Наконец, чувствуя, что я лишний, зря беспокою находящихся здесь людей, стал поспешно прощаться.

— Суйменкул-байке, может быть, мы позже встретимся — на вашей работе?

— Предварительно позвони, а то вдруг не застанешь меня.

Суйменкул и здоровается и прощается с людьми всегда за руки, и эта его привычка глубоко затронула меня. Когда выходил из палаты, подумал о том, что тот маленький синий кусочек неба, который виден из окна больничной палаты, я уже встречал на каком-то полотне Суйменкула, но не смог вспомнить. Может быть, именно поэтому он так нежно, тоскливо смотрит на него?..

— Суйменкул Чокморович уже шестой год лечится у нас. Каждый третий день вот так и лежит в течение 4 — 5 часов. И за все это время он ни разу не выразил нам недовольство, ни разу не высказал, что ему тяжело. Да, и вообще, он очень дисциплинированный больной, — сказала мне Роза Гапаровна, специально поджидавшая меня в коридоре. — Очень вежливый, тактичный человек. Такого хладнокровного, терпеливого больного я впервые вижу. Хотя он все знает о своей болезни. Еще подбадривает других больных. Поверьте мне, все больные, особенно молодежь, когда приходят на процедуру, первым делом ищут глазами Суйменкула, а, увидев его, преображаются, будто что-то хорошее случилось в их жизни. Это и есть, наверное, самое ценное качество человека, когда он поддерживает других, думает о народе, а не только о себе. К тому же он очень скромный человек. Когда Чокморов только начал лечиться у нас, мы хотели его как народного депутата Верхов-

ного Совета Кыргызской Республики положить в отдельную палату, он резко восстал, говоря: «Я хочу быть вместе с народом, где люди лежат — там и я буду лежать». Нам даже за свое предложение стало неловко. Воля Суйменкула не перестает нас поражать. Не раз при мне к нему обращались режиссеры многих стран с предложением сниматься в их фильмах. А один казахский режиссер долго упрасивал его сыграть главную роль в своем новом фильме. Мы — врачи, не против, — лишь бы ему создали там необходимые условия. Если он и в Алматы будет также лечиться, не нарушая свой режим, то у него появится возможность сняться в кино.

Очевидно оттого, что в больницу я пришел один и возвращаясь, один, возникло в моей душе тоскливое чувство. Хотя только познакомились, к Розе Гапаровне я обратился как к своей старой знакомой, близкому человеку.

— Эже, Суйменкул-байке — человек, победивший туберкулез. Вылечите его, пожалуйста, и от этой болезни! И народ соскучился по нему, все ищут его, спрашивают о нем, хотят видеть его в новых фильмах!

Выйдя из больницы, я задумчиво шел по чистой, летней зеленой улице, не обращая внимания на эту радость жизни. Вспомнились строки поэта Алыкула Осмонова, который рано умер от тяжелой болезни. И по сей день греют людей его душевные строки о том, что он дал бы, если бы мог, всем элексир бессмертия.

— Есть курить? — резко, громко спросил кто-то, догнав меня сзади. Было такое ощущение, будто меня ударили по затылку — настолько грубо и неожиданно он рывкнул. Их было двое, с отросшими волосами. Было видно, что это здоровые, молодые парни, которым некуда девать энергию.

— Нет, — промолвил я. Будь они помоложе и поменьше, я бы им посоветовал сначала заработать, купить и только потом начинать курить. В действительности же я вообще не курю. Парни остались в ожидании другого прохожего. Кто-то, конечно, сейчас угостит их сигаретами и даст прикурить. Я подумал о том, что здоровые, как быки, молодые парни, не знающие чем заняться, куда девать свои силы, попрошайничают. Ведь в их возрасте у Суйменкула были весьма разносторонние интересы — днем занимался спортом, играл в волейбол за сборную команду города, а для рисунков оставалось только ночное время, когда он буквально валился с ног от усталости и поэтому лежа писал свои первые картины.

Токтогул Сатылганов

атындагы

Ош облустук китепкана

ИНВ №

483781

В субботу вместе с Суйменкулом-байке мы отправились в село Чон-Таш, откуда он родом. Он предложил заехать на Ошский рынок, чтобы купить саженцы. И мы оказались среди толпы на базаре. Разных саженцев, на любой вкус, было полным-полно на базаре. Завернув еще влажные корни саженцев вместе с почвой в тряпки, чтобы их сберечь от жары и солнца, чтобы они не засохли, торговцы стоят в один ряд. Торговцы были разного возраста: пожилые, средних лет и помоложе. Мы с Суйменкулом-байке ищем саженцы абрикоса. Отовсюду слышится шум и гвалт, призывая к себе клиентов, торговцы кричат: «Вот аппорт, уже через два года будет плодоносить, купите!», «Вот черешня, кому нужна черешня?».

«У меня есть саженец урюка, урюк хороший, будете курагу сушить, варенье варить из него, а потом еще будете меня благодарить!».

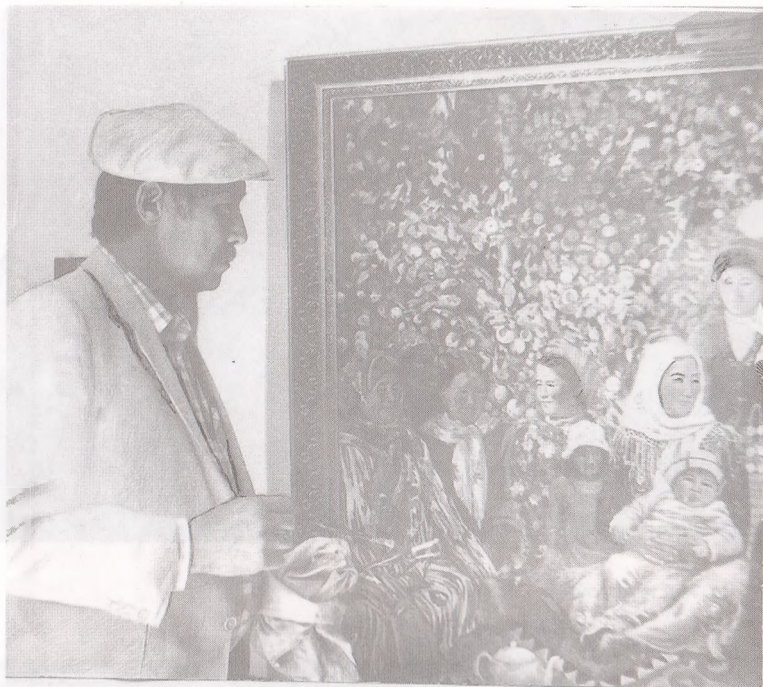
«Это саженец ивы. Вы когда-нибудь сидели в тени ивы в летнюю жару? Сам вырастет и ухода не надо. Да еще и дешево отдам!..»

Торговцы пытаются всучить в руки покупателей свой товар, едва заметив, что кто-то возле них замедляет ход. Я впервые оказался на базаре саженцев, и ничего не знал об этой бурлящей, интересной жизни. Нам не повезло — саженцев абрикоса ни у кого не оказалось. Суйменкул-байке вышел из этого длинного ряда и остановился, оглянулся на базар задумчиво. «Наверное, новый сюжет нашел для будущего произведения», — попытлся угадать я. Суйменкул обернулся ко мне и заговорил:

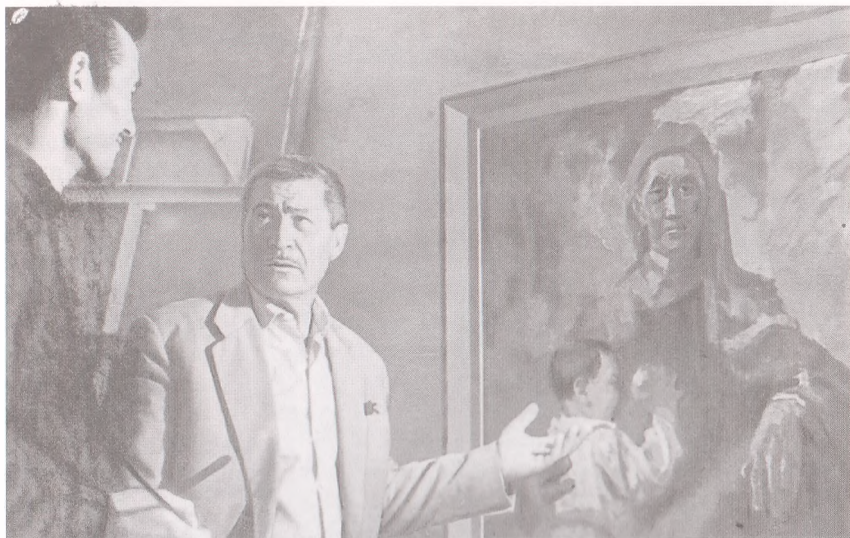
— «Смотри на этот народ. Был бы я здоров, так и жил бы, продавая саженцы...

Не доехав до села, мы остановились у кромки желтого поля, которое привольно раскинулось до самого подножья крутых гор.

— Мое детство прошло на этом поле. На самой середине поля когда-то было высоченное, старое дерево, ствол которого был в два обхвата. Когда мы работали в поле, то во время послеобеденного перерыва взрослые спали в тени дерева, а мы — дети, лазали на дерево, по его веткам, поднимаясь до самой вершины. И, глядя в даль, которая была для нас совершенно другим миром, строили наивные детские планы, мечты. А по вечерам, ожидая своих коров, возвращающихся из стада, играли под деревом, глядя на вчерешний день, на закат солнца. Если вдруг замечали птиц, прилетавших и садящихся на ветки

В своей художественной мастерской

С. Чуйков в мастерской С. Чокморова

Портрет жены и сына
работы С. Чокморова

Художник и С. Каралаев. Эскизы и портрет С Каралаева

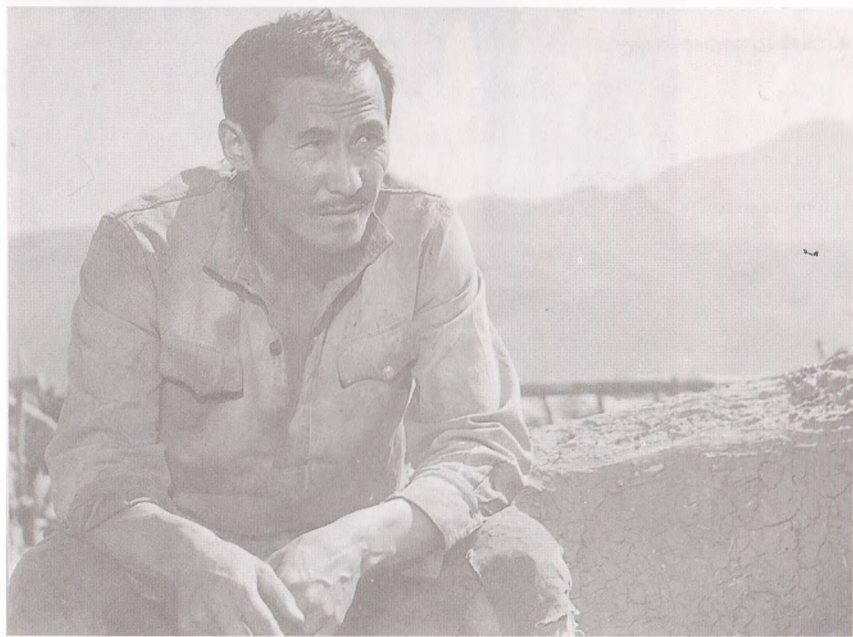
В мастерской скульптора Т. Садыкова

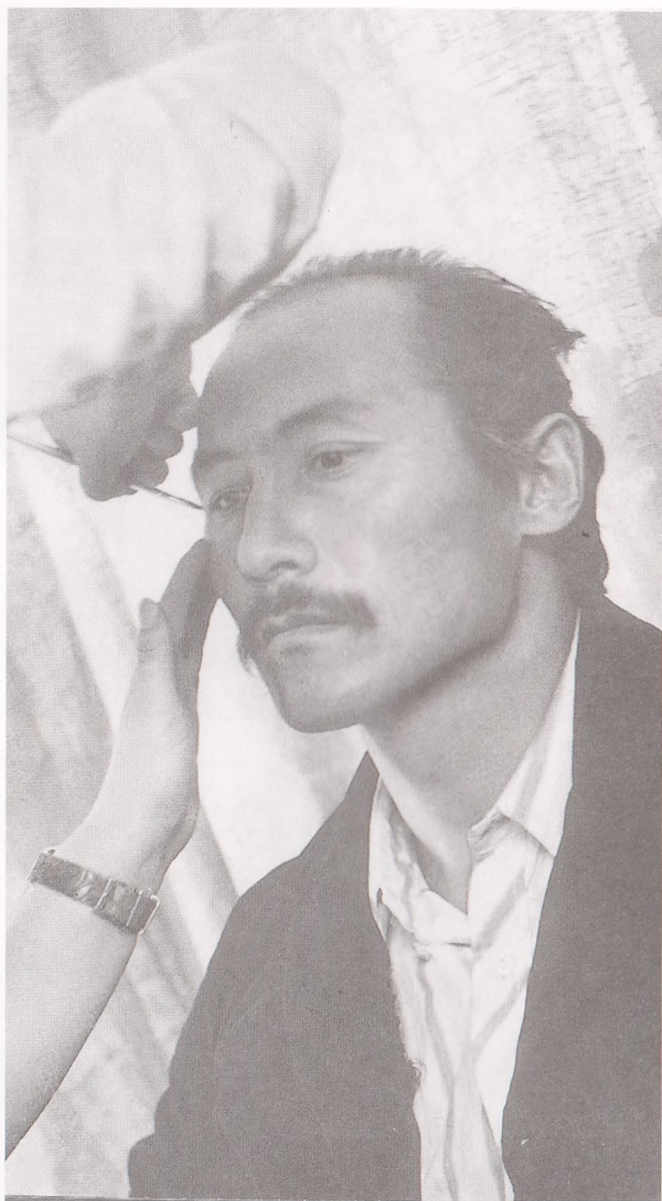
На репетиции
у Б. Минжилкиева.

Кадр из фильма «Выстрел на перевале Караш»

Данияр из фильма «Джамиля»

Грим перед съемками

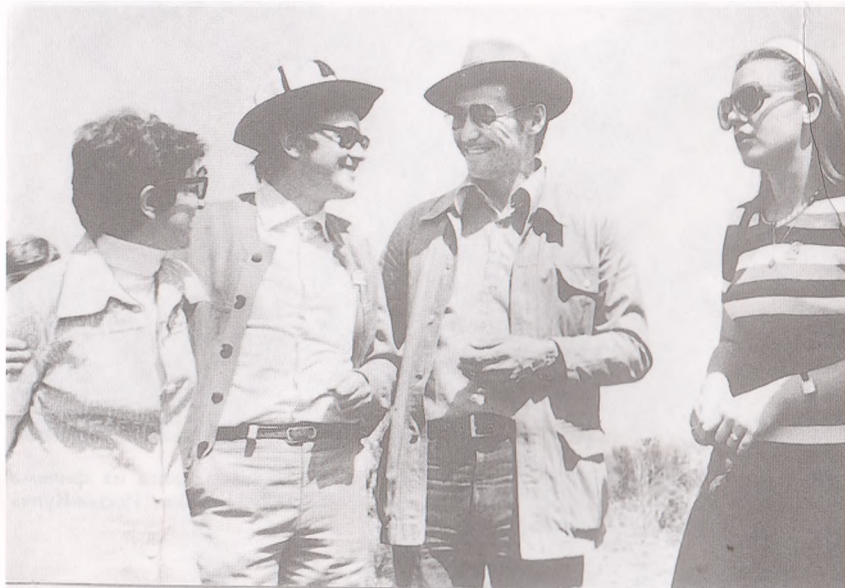
Карабалта из фильма
«Алые маки Иссык-Куля»

Среди коллег-кинематографистов

Кадр из фильма «Седьмая пуля»

Среди зарубежных гостей. Читка сценария на «Мосфильме»

Афтографы любителям кино

С Ч. Айтматовым и марофонцем С. Джуманазаровым

Темир из фильма «Красное яблоко»

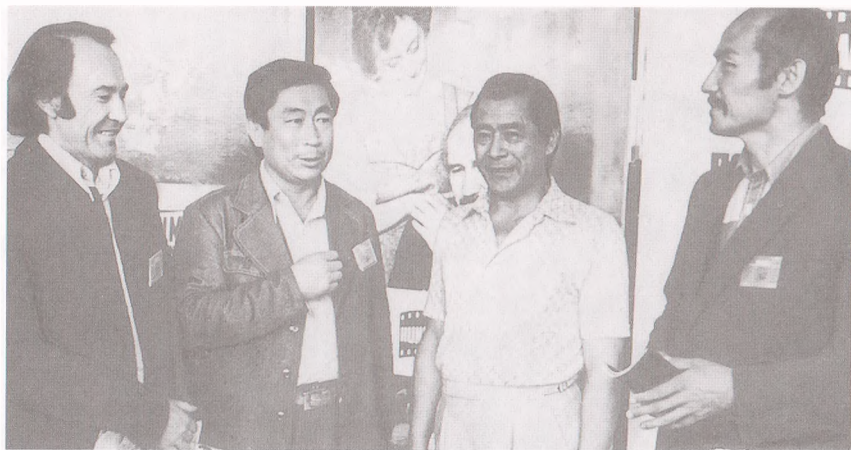
Кадр из фильма Т. Океева «Красное яблоко»

С Народным поэтом Кыргызстана
С. Эралиевым

Кыргызские деятели кино на картине
С. Чокморова

А. Хамраев, Т. Океев, Т. Мифуне и С. Чокморов

На съемках с режиссером Т. Океевым и оператором К. Кыдыралиевым

Кузнец Утур из фильма «Поклонись огню»

Кадр из фильма «Улан»

На съемках фильма «Лютый»

Портрет А. Курасавы. Работа С. Чокморова

Кадр из фильма «Мужчины без женщин»

Фильм «Каныбек». Последняя роль С. Чокморова

На малой родине среди жителей с. Чон-Таш

дерева, то в сумерках вновь спешили сюда, прихватив с собой заранее приготовленную керосиновую лампу и еще длинный шест с петлей. Привязав на один конец лампу, в темноте, среди густых веток, искали птиц. Бедные, они увидев лампу, моментально слепли. Если мы находили их, то незаметно надевали петлю на шею и спускали к себе.

Это дерево было сказкой нашего детства. Но затем какой-то пьяница из соседнего села ночью приехал на тракторе и спилил старое дерево. Дерево, которое было дорого для всех сельчан, словно талисман. Не могу передать словами тогдашнее наше негодование. Вот так, из-за одного эгоиста, глупца, который думал лишь о себе, село лишилось своего дорогого, старого друга, где многие коротали время в летний зной. Правда, это было очень давно. Но и сейчас мы, люди, далеко не ушли. Эх, если бы ушли... Многие думают — лишь бы никто не видел, не заметил — и тащит все, что плохо лежит. Такая психология — после меня хоть потоп. У некоторых сейчас даже усиливается такое потребительское, низкое чувство: богатство земли — это мое богатство. А завтрашние пусть сами о себе думают. Завистливость, эгоизм растут день ото дня. Иной раз услышим о трагедии Аральского моря и переживаем, но не думаем о своем Иссык-Куле, который не в лучшем состоянии. О выращиваемом на юге республики табаке, который рушит здоровье нации, пишут много, но никак не можем его уничтожить. О тех людях, которые рубят редчайший лес Арсланбоа и вместо угля пользуются им зимой, мы изредка ворчим, но реально ничего не делаем, никакую помощь нуждающимся людям не оказываем.

Дом, в котором родился и провел свое детство Суйменкул, и поныне стоит. Эта маленькая, старенькая мазанка, сейчас выглядит как музей возле нового большого особняка. Не сохранилась в старом доме только печь в углу, а угол, где она стояла, весь порос мхом. Я представил, как маленький Суйменкул зимой, замерзший, входил в дом и пристраивался рядом с печью. А во всем остальном — дом стоит такой же, каким был, словно время протекало мимо него. Вспомнился свой дом, где в детские годы рядом с печью в долгие зимние вечера сидел, прислушиваясь к далеким ночным звукам: лаю собак, ржанию коней, вою ветра.

— Для каждого человека нет ничего дороже его «малой родины». Не зря ведь говорят, что все начинается с детства. Я и сейчас, когда свободен от работы, живу здесь. Не могу ос-

таться в городе. Если захочу поработать, то здесь у меня есть мастерская.

Затем мы не спеша осмотрели и мастерскую художника.

— Хочу особо отметить значение сельского воспитания. Вот, к примеру, как прошло мое детство, начиная лет с семи-восьми. Не успеешь проснуться — и на работу. Садись на коня и едешь пасти овец, другой скот. С раннего детства мы знали толк в таких работах. Ухаживать за конем, как оседлать его, как пасти скот, стригли овец, могли доить коров. Даже в домашнем хозяйстве, на кухне разбирались. Вот это и есть истинное воспитание. В селе на часы не смотрят, — от восхода солнца до заката все от мала до велика за работой. Вот сейчас, даже в зрелом возрасте, когда вспоминаю свое детство — мое сердце щемит от тоски. Оказывается, надо, чтобы детство не прошло пустым времяпровождением.

Сейчас в селе многие скот не держат. Родители, считающие, что «хватит и того, что мы сами в детстве не были детьми, пусть хоть они вырастут как нормальные дети», не понимают, что они тем самым лишают своих чад очень важных знаний жизни. Многие дети не знают сейчас настоящую сельскую работу, следовательно вырастают неполноценными, не умеющими делать многих вещей людьми. Они обычно отдаляются от села, повзрослев, бегут в город. Откуда раз в год возвращаются и, нагрузив на себя родительских продуктов, спешат обратно. А ведь именно в таком возрасте, оказывается, закладываются такие качества, как любовь к ближнему, человеколюбие, доброта, душевная широта. Так что, вся вина в нас самих — в родителях.

* * *

Нас пригласил в гости брат Суйменкула Бакыя-аба. Я знал, что Суйменкул вырос в многодетной семье. Их было девять братьев и сестер. Суйменкул, пока мы сидели за столом, снял с петли висевший на стене комуз и долго его настраивал. Потом немного поиграл. В тот же день мы видели и холм, где живут своеобразные, совсем желтые муравьи.

— Обе мои руки покрылись бородавками. И тогда моя бабушка лечила меня по народному методу. Срезала две ветки с тополя, очистила их от кожицы и оставила их на муравейнике. К вечеру мы вернулись туда обратно. Ветки были все покрыты муравьями. Бабушка взяла и, побив о землю, очис-

тила ветки от муравьев, а потом велела мне полизать голые ветки. После этого, до сих пор я не понимаю, как даже не заметил, когда те страшные, уродливые бородавки незаметно исчезли, сошли с моих рук. В то время люди вот так сами себя лечили. А я с детства рос больным. Бабушка мне давала вместе с хлебом и высушенную змеиную кожу. Помню, она говорила, что кожа змеи в высушенном виде лечит от тысячи болезней. А в тот год, когда должен был пойти в школу, я простудился и сильно заболел. Руки и ноги мне не подчинялись.

От этой болезни меня вылечила прекрасной души человек, любившая чужих детей не меньше своих, Вера Константиновна Гуревич. Я до сих пор общаюсь с моей Умай Эне*. После долгой разлуки я вновь нашел ее во время премьеры фильма «Выстрел на перевале Караш», где я играл одну из главных ролей. Мы — актеры, сыгравшие главные роли, должны были встретиться после просмотра со зрителями. В тот день после долгих поисков я нашел Веру Константиновну и привез ее в кинотеатр «Россия». Усадил на первый ряд и сказал: «Сейчас вы увидите того больного, хилого ребенка». А после фильма большой букет цветов, который был вручен мне зрителями, отдал ей прямо на сцене и рассказал зрителям о своей Умай Эне, которая вылечила меня от туберкулеза. Зал гремел от аплодисментов. Зрители и не предполагали, что мне ранее пришлось такое пережить. И моя Умай Эне, очевидно, не догадывалась, что много лет спустя в такой обстановке встретится со мной под гром аплодисментов. Она крепко обняла меня, в ее глазах были слезы, да и я прослезился. «Тысячу раз спасибо вам, Вера Константиновна, если бы не вы, то я вряд ли мог сниматься сейчас в кино», — поблагодарил я ее. «Тебе много пришлось страдать, Суйменкул! И ты должен теперь как все здоровые люди жить полноценной жизнью, радоваться своим успехам! — сказала мне в ответ Вера Константиновна, широкой души человек, любившая и ценившая все наше кыргызское, национальное, наши традиции.

Я, слушая рассказ Суйменкула-байке, про себя твердо решил, что когда-нибудь обязательно вместе с ним пойду к Вере Константиновне и поклонюсь ей, Умай Эне, не делившей ни свое, ни чужое. За то, что она вылечила тяжело больного

* Умай Эне — так в кыргызской мифологии называют покровительницу лекарей. В буквальном смысле — Мать Умай.

ребенка, жизнь которого с каждым днем угасала на глазах, не успев еще раскрыть свои первые лепестки.

В саду Бакыя-аба, сидя напротив огромных валунов, которые пережили многие века, мы с Суйменкулом-байке говорили на самые разные темы.

— Знаю одного человека примерно своего возраста, — начал Суйменкул. — Изредка мы встречаемся в разных местах. По внешнему виду здоровяк, фигура как у борца. Но я никак не могу удовлетвориться его делами. Ни разу не видел его за работой, озабоченного какими-то проблемами. И Бог не жалеет для таких, как ни странно, здоровья. Единственная их цель и забота — вкусно и сытно поесть, да и безотказно выпивать все спиртное подряд. По-моему, существование болезни ему даже и не снилось. Да пусть милосерден будет Бог и никому не посылает болезнь! Но вот, что меня коробит, — человек, который совершенно здоров и способен на многое, творить добрые, большие дела, ходит преспокойно, ни о чем не думая. Не обременяет себя заботами, целями, не замечая даже, что его жизнь зря протекает, словно тихая, бесполезная вода. Конечно, нельзя сказать, что он ни о чем не думает! У него есть своя собственная обывательская философия: «Живем только раз, и зачем мучиться, голову ломать о каких-то делах? Думая о важных государственных и народных делах, выполняя свой долг — не укоротим ли мы свою и без того хрупкую, единственную жизнь? Эх, байке мой, да и без наших усилий, без нас совершались все дела, так будет и впредь...» И это он говорит в то время, когда все общество, все люди борются за восстановление справедливости, за преобразование человеческого сознания! После меня хоть потоп — с такой философией, думая только о себе, и сейчас живут многие люди. Глядя на этого «человека в футляре», полагаю, что ему ни разу не пришлось потрудиться в поте лица, познать радость победы, совершить человеческий поступок — споткнуться, ошибиться, радоваться и огорчаться. Моя хата с краю. Ты не тронь меня и я тебя не трону. Ты — мне, я — тебе. Ему и не понять, что в жизни бывают простые, но высшие сладостные минуты счастья! Внутренний мир таких людей убог, ибо, он лишился самого главного — семени доброты, человечности угасли в их душах на корню, словно растение высохло без воды...

— Суйменкул-байке, я согласен с вами. Благородство, доброта, человечность движут жизнью. Без них мир не полон. Очень часто мы в них нуждаемся, почему? По-моему, дефи-

цит доброты сейчас превращается в глобальную проблему человечества.

— Ты прав. Вот сам посуди. Ребенок, которого родители вырастили, отдав ему все самое дорогое, лучшее, даже ценой многих лишений, затем бросает своих родителей. И даже не вспомнит о своих старых родителях, которые теперь уже нуждаются в его заботах, в его помощи. Кого тут винить? Да, очень часто в жизни нам приходится сталкиваться с отрицательными явлениями. Например, в больницах, когда вместо того, чтобы старых больных людей беречь, бесчеловечно орут на них, еле держащихся на ногах, дрожащих.

Или же, когда золотозубые проститутки рожают безвинных, незащитных детей. Им же придется познать долю сиротства, расплачиваться за бездумный, бесчеловечный поступок своих матерей! Многодетные матери... Как они живут? Они ведь выдержали недюжинный груз, а затем, когда приходит пора вернуть долг детям, во что они превращаются? А инвалиды, которые не знают о существовании нормальной человеческой жизни и всю жизнь прикованы к постели? Почему мы обо всем этом не говорим и делаем вид, что всего этого нет в нашей жизни? В пору моего детства белобородые старики повторяли постоянно: «Раньше люди были более, благородными, добрыми. По мере улучшения жизни, по мере обогащения, люди становятся более корыстными, жадными. В былые времена, когда путник среди ночи останавливался у дома и стучал в дверь, если даже он незнаком, оставляли его ночевать, кормили, поили тем, что есть дома. А сейчас во всех домах даже собаку боятся пустить к себе во дворе — сразу же орут: «Кто ты, чего тебе надо!» Жизнь меняется, люди меняются...».

Да, правы мои милые старики, именно из-за отсутствия благородства мы превращаемся в бездушных людей, отказываясь от своих прежних, древних традиционных ценностей. «Добро не умирает и не теряется, рано или поздно оно возвращается к тому, кто его творит», — так ведь говорили издревле.

— Суйменкул-байке, есть древние уроки творить добро. Но это качество в человеческой душе зарождается с самого раннего детства. Говорят, что саженец растет в зависимости от своего корня. Точно также и человек — что в него заложено в детстве и вырастет потом. Умение чувствовать красоту, понять глубину поэзии, слова тоже закладываются с детства. Сказал же Сократ: «Уровень понимания красоты зависит от души».

— Ты совершенно прав. Именно в детстве рождаются эти качества, умение воспринимать красоту, эстетические склонности человека. Например, с детства, юности формируется чувство восприятия мелодии, лирики, философии художественного полотна, пластического языка скульптуры. Это уже талант. Любой человек, независимо от национальности, веры, слушая «Реквием» Моцарта понимает эту великую музыку. Это общность человеческих чувств, это чудодейственная сила музыки!

Но среди тех же слушателей много и таких, которые не умеют воспринимать музыку на таком уровне, и только чувство причастности к великому, не дает им покоя. Они хотят показаться знатоками искусства, интеллектуальными людьми, а на самом деле их души ограничены, бедны. Корни такой душевной глухоты надо искать в детстве. В школах несерьезно относятся к урокам музыки и рисования. Особенно в сельских местностях. «Можешь петь на поле, в горах, когда пасешь скот. А от рисования кто дошел до хорошей жизни — мы еще не видели. Если хочешь ума-разума набраться, то учи прилежно математику, химию. Вот за этими науками будущее», — сколько раз я слышал подобные слова из уст родителей, наставляющих своих детей. Они даже не понимают, что в душах своих детей с раннего возраста вырубает корни доброты, губят в зародыше ростки понимания красоты, природы. А с учителями дело обстоит еще хуже. Музыку и рисование преподают совсем далекие от этих предметов люди, совершенно случайно оказавшись в роли учителей. Разве можно от такого отношения ждать добрые всходы? Следовательно, с такого раннего возраста у детей возникает безразличие, равнодушие к искусству, к прекрасному.

«Симфония — это порыв моей души», — говорил Чайковский. По-моему, без таких классических произведений, как «Дон Кихот», «Король Лир», «Война и мир», «Плаха», без полотен Рембрандта, без музыки Бетховена наш мир обеднел бы неопишимо. Картина Александра Иванова «Приход Христа к народу» — несравнимое ни с чем произведение. Я побывал во многих странах, в разных городах мира. Но ни в одном из этих музеев я не встретил ни одной картины по силе воздействия, по композиции, по мастерству, по глубине своей философии, по уровню передачи человеческой психологии равную этому полотну Иванова. Люди, вошедшие в Третьяковскую галерею, часами стоят напротив этой картины. И картины

Брюллова, Левитана, Перова, Айвазовского, Крамского, Репина по уровню притягивания к себе зрителей очень сильны. Тут между картинами и зрителями происходит настоящее общение.

Что интересно, как-то раз я в столичном музее встретил подростка, осматривающего вместе со своим отцом картины новой выставки. «Такую картину и я смог бы написать», — сказал мальчик своему отцу, глядя на работу известного художника. Можешь такое замечание услышать рядом с картинами Рафаэля, Леонардо да Винчи, Ван Дейка, Рембрандта? Конечно, нет. К сожалению, слабые художники встречаются везде. Они недостаток таланта прикрывают завесой рекламы, громко крича о выдающихся качествах своей картины. Таким образом, они показывают свое художественное бессилие.

— Извините, вы — зоотехник, а я — профессиональный художник. Вам не понять содержание моих полотен, поэтому вы не имеете права судить о работе художников. Я — художник, поэтому не могу вмешиваться в ваши дела, судить о том, как вы осеменяете овец. Вот вы увидели выставку, ну и хорошо. Теперь молча уходите, — такое отношение к зрителю, пренебрежение к нему, привычка относиться свысока — не приведет к добру. В конце концов, искусство создается для народа. Если бы тот художник обладал способностью выслушивать мнения других людей, то зоотехник в тот момент, возможно, высказал бы весьма ценное замечание художнику. Из-за скудности мысли, оттого, что думаем узко и решили, что всего уже достигли и не надо совершенствоваться, духовный, внутренний мир художника беднеет. Может ли жить художник без Пушкина? Произведения художника, не знающего Толстого, Достоевского, Тургенева, человека, не окунувшегося в мир Карамолдо и Саякбая Каралаева, кого могут заинтересовать?! Прежде чем писать человека и природу, художник должен их полюбить, научиться любоваться их красотой. Только тогда его глаза становятся меткими, безошибочно отделяя совершенное от второстепенного, отличая истинную красоту от поддельной.

— Вас, как киноактера, часто приглашают в дальние зарубежные страны. Говорят, что незнакомый, экзотический мир для художника бесценная находка.

— В Каире проходил кинофестиваль Азиатских и Африканских стран. Нас, гостей поселили в гостинице «Шератон», которая стоит на берегу реки Нил. Неподалеку от гостиницы стоит памятник фараону Рамзесу. Вода Нила бесцветна, да и

река такая тихая, что сразу и не определишь, в какую сторону она течет. Каир просыпается очень рано. По привычке с раннего утра я уходил с этюдником на берег реки. Обычно участников кинофестиваля возили туда и обратно на специальных автобусах, выделенных для нас. Но я не стал пользоваться автобусом, постоянно ходил пешком. Однажды, как всегда, шел по берегу реки и увидел пальму — такую красивую, одинокую... Когда раскладывал этюдник, на ветку пальмы сел какой-то пернатый. Смотрю и вижу, что она точь-в-точь пегая ворона в наших краях. На пальме было ее гнездо. Я удивился ее упрямству — ведь в городе стояла такая знойная жара, в бурлящем крупном городе даже люди еле выдерживали. А ворона никак не хочет покинуть Египет и свою одинокую пальму, улетев куда-нибудь в прохладные края.

А в другой раз, когда я работал над очередным пейзажем на берегу, совсем рядом остановилось старое небольшое судно. На нем, оказывается, жила целая семья. С судна сошел мужчина лет сорока-сорока пяти, вбил в землю кол и привязал к нему цепь. Вслед за мужчиной на берег сошли пятеро-шестеро детей, все маленькие. Когда дети начали играть, на берег с судна прыгнули несколько коз, которые тут же стали щипать траву на земле. И, наконец, перелетев через воду, на берег перебрались курицы. Мужчина куда-то ушел. Женщина, не обращая внимания на детей, коз и кур, продолжала заниматься своим хозяйством. Через некоторое время вернулся мужчина, неся на спине какую-то поклажу. Как только он пришел, женщина с судна что-то крикнула в сторону берега. И тотчас же дети, козы, куры один за другим вереницей направились в свою обитель. Затем эта семья, из жизни которой я видел всего лишь краткое мгновение, уплыла на своем судне в неизвестном направлении. Потом я узнал, что река Нил стала для многих бедных семей постоянным местом жительства. Вот так и живут всю жизнь — плавая, то вниз, то вверх по течению...

— У вас интересовались за рубежом Кыргызстаном?

— Во времена существования Союза мы всегда представлялись советскими киноактерами, поэтому мало кто знал о том, что я киргиз. А те, кто знали, естественно, проявляли интерес. Одна такая встреча осталась в памяти. Во время заполнения таможенной декларации мы заполняли в графе «национальность» — русский. Но все равно узнали в нас киргизов — нас в группе было всего несколько человек — и стали упрашивать: «Поговорите на языке Чингиза Айтматова, хо-

тим узнать, насколько музыкален ваш язык, или же спойте?» Никак не отступают от нас, не отпускают ни на шаг от себя. Мы хотели было хором спеть хоть одну песню, но оказалось, что у нас нет такой общей песни.

«Может споем Киргизский гимн?» — переглянулись друг с другом. Но и это предложение не прошло. И мы чуть-чуть спели — каждый по куплету, кто какую песню знал. Англичане были восхищены и долго аплодировали. Тогда мы воочию убедились в том, что только язык спасает любую нацию. Нация без своего языка — это уже не нация. Как писал Расул Гамзатов: «Если завтра исчезнет мой родной язык, то я готов сегодня же умереть...» Мое замечание по языку. Я живу рядом с парком им. Панфилова, где ежедневно проводятся дискотеки. Поневоле до поздней ночи лежу, прислушиваясь к музыке, доносящейся оттуда. Иностранные мелодии, изредка «Лезгинка» — а из родной киргизской музыки ничего не ставится. Или же киргизские мелодии непригодны для танцевальных ритмов? Почему бы не потанцевать вальс под песни Каныкей Эралиевой? Это же по ритму, по звучанию напоминает ту же музыку Штрауса, под которую танцуют вальс. Конечно, можно было бы. Мы в воспитании молодежи отстаем от требований времени. Наряду с интернациональными идеями, конечно, нужно прививать детям, молодежи и национальное чувство, чтобы они в будущем не стали манкуртами.

В день дважды не закатывается солнце, нельзя узнать одного человека дважды... Хоть журналисты не раз писали о нем, неоднократно обращались к перепитиям его жизни, Суйменкул-байке на этот раз для меня открылся по-новому. Я его узнал совершенно другим. О своих радостях, горестях, о своем трудном, но, в то же время, счастливым детстве, он мне поведал так, словно опять переживал свою прошлую жизнь.

— Мы — люди, странные создания Бога. Иной раз, словно очнувшись, пытаемся остановить бег времени, оглядываемся по сторонам, вспоминая о своей прошедшей жизни, об упущенном. «Эх, как жаль, что дни так летят?!» — удивляемся мы. И в такие минуты стрелки часов покажутся врагами, крадущими нашу жизнь. Жизнь, судьба справедливы. Со временем они все расставят по своим местам. Сколько людей нам приходится видеть, которые играли всю жизнь в прятки — не сумев понять, познать самих себя. И только в дни старости, когда приходят последние, завершающиеся годы жизни, с сожалением говорят, что судьба обошлась с ними несправедливо.

Но таких людей не стоит жалеть. Кто виноват? Раз ты сам не смог распорядиться дарованной тебе свыше жизнью? И никто не научит людей быть счастливыми, кроме них самих. Да, конечно, жизнь прекрасна и заманчива. Будь эликсир бессмертия, то нашлись бы люди, перевалившие за сто лет, но желающие еще продлить свою жизнь. С древних времен о жизни и о человеке столько написано, что этого с лихвой хватило бы для изучения феномена жизни. Но человек, жизнь остаются загадочными. Может быть в этой великой тайне и заключен смысл жизни?

Когда мы выехали из Чон-Таша дождь только начал накрапывать, по пути он перешел в сильный ливень, и струи воды то и дело закрывали видимость.

— Поехали помедленней, не торопясь, — решил Суйменкул-байке, не желая переждать окончания дождя. В пути одна за другой нас обгоняли легковые машины, брызги, летевшие из-под колес которых, закрывали боковые окна нашей машины.

— Куда же они так спешат? — недоуменно пожимал плечами Суйменкул. — Бывают соседи, которые играют в обгонялки друг с другом. Если один купит «Жигули», то второй должен ездить обязательно на «Волге». Если один построил себе особняк, то другой должен жить в двухэтажном доме. И такое соперничество, зависть незаметно превращают человека в раба вещей. Люди постепенно забывают о своей человеческой сущности, о своем человеческом предназначении...

— Суйменкул-байке, ныне мы повсеместно встречаем людей, которые страдают от дефицита, ищут чего-то недоступного, достают через кого-то. Возникло даже устойчивое понятие «знакомый», «через знакомых». Как вы думаете, до каких пор мы будем таким путем искать недоступный нам товар, дефицитные лекарства, модную одежду, которые исчезли с полок магазинов и аптек?..

— Ты помнишь, чем обычно заканчивались сказки, которые в детстве читал? Там были персонажи, отличавшиеся повышенной жадностью: берут, но не признаются в этом, находят, но говорят, что ничего не видели. Они отличались чрезмерной алчностью и ничто не могло их остановить на пути к богатству. Лишь, достигнув своей мечты, овладев невиданной доселе казной, они успокаивались. Но вместе с тем они теряли и свое человеческое лицо, так как днем и ночью им не давала покоя мысль о судьбе своего вожделенного богатства. Так постепенно они все походили с ума. А таких людей не только в

сказках, но и в реальной жизни, можно встретить предостаточно.

Вот ты сам, как журналист, свидетель. Только за последние годы сколько людей было обвинено в коррупции из-за того, что не смогли своевременно умерить свой аппетит, пошли по пути алчности. Но большей части это люди, как и в упомянутой выше сказке, занимающие в обществе достаточно высокое положение. Как и тот герой сказки, они остановились только на финише, дойдя до болота грязного богатства, где окончательно застряли и оттуда самостоятельно выбраться уже не могут.

Корни подобных явлений лежат в том же «дефиците» и «знакомстве», о которых ты говорил. Подумай сам: куда уходит большая часть лекарства, которые поступают в аптеки? И почему товары, выделенные в магазины, не доходят до своих покупателей?

Часто наблюдаем по телевидению, как наши министры один за другим выступают и говорят о том, что достигнута договоренность с теми и с другими государствами и отныне к нам будут поступать те или иные товары бесперебойно. Но проходит время, а обещанного до сих пор нет.

Подумай об абсурдности положения: какой-то бедный больной лежит в больнице, страдая, испытывая муки, его близкие в это время бегают по аптекам в поисках нужного лекарства. А в это время какой-то негодяй то лекарство спрятал в своем сейфе, в надежде реализовать его с выгодой.

«Если нужно, то придут, найдут и посредников, которые выйдут на меня, раз нуждаются», — думая так, он спокойно ходит по земле, не подозревая даже, какую подлость совершает. Ведь как раз в те же минуты умирают многие больные.

Но теперь, по-моему, положение стало меняться к лучшему. Наступившая в обществе гласность высвечивает недостатки и в социальной сфере, постепенно предоставляются равные возможности для всех слоев населения.

— Но все же есть люди, считающие, что богатство — это престиж, своего рода высокий авторитет.

— О каком авторитете может идти речь? Вот, к примеру, если книгу писателя разберут мгновенно, не оставляя на полке запылившимися — это авторитет. А все остальное — просто пустозвонство. Высокомерие часто становится преградой на пути творческого роста и у актеров. Самоуверенность, чванство — думают будто они достигли совершенства во всем —

это стало препятствием на пути многих талантов и обрекло их на неизбежное падение. Такие актеры вычитывают свои роли только по сценарию, не думая о том, как его герой выглядит в жизни на самом деле, как его воспримет зритель. Есть актеры, которые диктуют свои условия режиссеру. «Нет, я не буду прыгать с этой скалы, я жить хочу, пусть этот эпизод сыграет дублер-каскадер!» «Нет, я не могу падать с коня!» «Не могу я купаться в холодной воде!» — и таких слабовольных «звезд» мне тоже часто приходилось встречать в жизни. Такие актеры и сейчас бывают в фаворе: одновременно успевают сниматься в двух ролях, они из театра впопыхах бегут на телефильм. Предложи им сразу сто ролей, и они ни от одной не откажутся — настолько уверены, что только они и могут сыграть. Конечно, такие актеры-дельцы (не поворачивается язык назвать их артистами) в материальном плане живут благополучно, даже хорошо. Они всегда при деньгах, но нет у них творческого открытия. Некоторые негодуют, вот, дескать, сыграл 60 — 70 ролей, но до сих пор не то, что госпремию, даже звания заслуженного артиста не получил, и требуют к себе повышенного внимания.

Восточный мудрец-поэт Джами писал: «Всегда смотри правде в глаза прямо!» Вот я в течение 16-ти лет снимался всего в 17-ти фильмах. И все мои роли мне самому нравятся. Когда выбирал роль, ставил перед собой всегда один и тот же вопрос: что эта роль в мою жизнь нового принесет? Станет ли она для меня каким-то открытием?.. А во время съемок всегда старался играть на пределе своих возможностей. Режиссер предлагает мне прыгать с высоты двух метров — я прыгаю с трех. А когда требовалось во время езды на коне прильнуть к гриве коня, делая вид, будто падаешь, я совершал натуральный трюк, перепрыгивая через голову коня. И всегда играл так, чтобы мне, как актеру, не было стыдно. Сейчас, уже из-за болезни, не могу сниматься в кино. А те нежные актеры, которые всегда берегли себя, до сих пор кочуют из одного фильма в другой. Что я хочу этим сказать: раз уж ты выбрал профессию киноактера — будь добр и сыграй так, — не за большой гонорар, а за свою любовь к искусству, за уважение зрителей. Да и сам ты уважай народ. Играй на пределе своих возможностей, продемонстрируй свой талант. Только так ты сможешь заслужить подлинное уважение и авторитет.

После этих слов Суйменкула-байке я вспомнил вот о чем. Во время съемок фильма «Одни мужчины» он не смог удер-

жаться на крутом склоне и сорвался вниз. Такое происходило не в первый раз и потому режиссер, операторы были совершенно уверены в том, что он, хоть и упал с достаточно высокой скалы, легко встанет, стряхнув с себя пыль, вновь пойдет штурмовать неприступную скалу. Но, ко всеобщему удивлению, Суйменкул на этот раз лежал на том месте, где упал, неподвижно. Получив серьезную травму (разрыв почки), Суйменкул дальше уже не мог продолжить работу. В срочном порядке к месту съемок фильма был вызван вертолет для оказания медицинской помощи. Пока ждали вертолет, на съемочную площадку со всего округа валом повалил народ — чабаны, строители, местные жители, узнав о беде. «Как такое могло случиться с Суйменкулом?» Когда Суйменкула понесли к вертолету на носилках, толпа взметнулась в едином порыве. Суйменкул поднял голову и одними губами, стиснув зубы, еле слышно прошептал: «Вот увидите, покорю эту скалу!» А когда вертолет поднялся в воздух, толпа внизу, словно трава на ветру, качнулась, и этот миг остался навсегда в его памяти. «Поскорей выздоравливай, Суйменкул!» — это пожелание людей затем, во время лечения в больнице, оказало ему поддержку не меньше, чем лекарства.

После этого режиссер мог бы вместо Суйменкула пригласить на главную роль другого актера и продолжить съемку, но не поступил так. Один из лучших кинорежиссеров Альгимантас Видугирис верил, что он в своем выборе не ошибся и знал, что глубоко порядочного, мужественного человека, каким был главный герой фильма Касым, может адекватно сыграть только Суйменкул Чокморов. Суйменкул, после своего выздоровления, выполнил свое обещание и в самом деле покорил ту злополучную скалу. Не будем повторяться и говорить о том, что фильм «Одни мужчины» обошел кинозалы многих стран мира и всегда возвращался с солидными призами.

Дождь вместе с нами докатился до города. И на второй день темные кучи облаков плотно прикрывали горы, откуда мы вернулись.

* * *

Пересматриваю кипу снимков Суйменкула, словно перелистываю его прожитую жизнь. И каждый из этих снимков напоминает мне остановившуюся на миг киноленту.

Сидим в мастерской художника. Суйменкул-байке стал рассказывать о своей новой картине, над которой сейчас работает. Это триптих по мотивам эпоса «Кожожаш». Состоит он из трех частей, они пока условно называются «Раненая коза», «Гибель охотника» и «Жизнь вечна». С крутого склона горы смотрит вниз коза, на второй — крепко схватив руками свое ружье, с расширившимися в предсмертном ужасе зрачками, Кожожаш стремительно летит вниз — в пропасть... На третьей вовсю сияет солнце, а вокруг зеленые листья, травы, качающиеся безмятежно... «Ничто не вечно во Вселенной, — ни человечество, ни природа, все мы приходящи. Но Солнце останется таким же, как и сейчас, оно вечно — оно символ вечности», — объяснил художник смысл своей картины. Портрет Саякбая Каралаева стоит в мастерской на самом почетном месте. Цикл работ о великом сказителе эпоса «Манас» художник начал очень давно и до сих пор продолжает над ним упорно работать. «Через сто лет слава Саякбая прогремит по всему миру, будь уверен в этом. Вот тогда по настоящему будут исследовать феномен этого уникального человека. И свою настоящую, достойную цену он получит лишь тогда», — заверил меня Суйменкул-байке.

— Давай, послушай. Спою-ка я тебе песню Карабалты. Как же она начиналась? — он взял в руки домбру, стоявшую рядом с диваном. — В давние времена у казахов был известный во всем народе поэт по имени Темир-лысый. Власть имущие, богачи хотят унижить бедняка, не имеющего ничего, кроме своей домбры за душой и запретить ему петь перед народом, угрожая, что если еще раз он осмелится, то в его горло будут лить расплавленный свинец. Но поэт настоящий — на то он и поэт. Не дав себя унижить, не боясь смерти, он вновь выйдет к толпе и поет...

...Если погибнет тот, кто ведет вас вверх,
Что же будет с вами, мои дорогие люди?

Звонкий тембр голоса Суйменкула, кажется доходит до самой глубины души. Перед глазами возникла бескрайняя казахская степь, топот табунов и печальные струны домбры. Мелодия, льющаяся из окна четвертого этажа маленькой мастерской, уходит далеко от нас, плавно разливаясь. Рядом со мной сидел и пел самый настоящий Карабалта, вся жизнь которого была окутана горькой долей поэта. Атмосфера в мастерской мгновенно преобразилась и мне показалось, что

картины в комнате ожили и люди, живущие на них, слушая песню Карабалты, молча плачут, слезы льются из их глаз...

...Какие дни ждут тебя впереди, мой народ?..

* * *

Суйменкул-байке проводил меня до лифта и улыбнулся:

— Нет ничего более переменчивого, чем мечта... Вот иногда думаю... Всю жизнь — с раннего детства живу в борьбе, в стремлении к чему-то... Быть может, это и есть мое счастье. Кто знает, если бы я был здоров и ничего в этой жизни не познал, был удачлив во всех отношениях, может бы и не считал себя счастливым. Человек чувствует себя тем больше счастливым, чем больше он борется, чувствуя, что он востребован временем и нужен не только самому себе...

Поистине в этой короткой фразе было сказано обо всем: и о тайне жизни, и о смысле жизни человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О человеке, жизнь которого достойна крупного романа, написать небольшой биографический очерк, оказывается, труднее всего. Хотя и закончил свой очерк, но все еще сомнения мучали меня: не упустил ли я чего-нибудь? С неделю колебался, а затем решил, прежде чем дать своему редактору, показать самому Суйменкулу, — пусть он посмотрит своим метким, объективным взглядом. После прочтения он дал добро и даже заметил, что я мог бы в таком виде и без обращения к нему сразу же опубликовать. Больше он ни слова не сказал.

Я взял свою рукопись, страницы которой за лето заметно пожелтели, ведь как-никак больше трех-четырех месяцев прошло с того времени, как я начал писать и направился в редакцию...

«Теперь осталось прочесть только вам и дать свою оценку!» — говорил я про себя, мысленно обращаясь к неизвестным читателям.

Позже Суйменкул-байке позвонил мне в редакцию. Поговорили о том, о сем. После того, как обменялись дежурными фразами, он сказал: «Ну, ты не пропадай, думая, что закончил свое дело...»

«Как только у вас появится свободное время, приду к вам», — ответил я, особо не задумываясь в ту минуту.

Признаться, в тот момент, действительно мне и в голову не пришло: а осталось ли у него свободное время?..

Абдиламит Матисаков
СКАЗАНИЕ О СУЙМЕНКУЛЕ
Эссе

Редактор *Ю. Жучков*
Художник *С. Ямгирчиев*
Художественный редактор *К. Коёналиев*
Технический редактор *С. Нурмиева*
Корректор *Д. Ороскожоева*
Компьютерная верстка *Р. Мукаибетовой*

ИБ № 5506

Сдано в набор 14.10.00. Подписано в печать 01.12.00. Формат бумаги 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. «Школьная» гарнитура. Печать офсетная. 2,25 физич. печатных листа + 1,0 п. л. вкл. 2,09 условн. печатных листа + 0,93 п. л. вкл. 2,3 учётно-издательских листа + 1,4 п. л. вкл. Тираж 1000. Заказ № 1422. Цена договорная.

Издательство «Кыргызстан»
720361, ГСП, г. Бишкек. ул. Советская, 170.

